

ЧИТАЙТЕ ЦИКЛ
СУХОЙ ОВРАГ

Вера

Отречение

Благовест

СУХОЙ
ОВРАГ
Благовест

АЛИСА КЛИМА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Дизайн обложки *Я. Клыга*

Клима, Алиса Вячеславовна.

К49   Сухой овраг. Благовест : роман / Алиса Клима. —
Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-210944-7

Тридцатые годы XX века.

Веру и Ларионова всегда разделяли непреодолимые барьеры: разница в социальном положении, возрасте, взглядах... Но ничто — ни десятилетие разлуки, ни превратности судьбы, ни даже ужасы ГУЛАГа — не может быть сильнее любви.

Как начальник трудового лагеря, Ларионов по-прежнему борется за жизни узников. Может быть, только эхо забытой нежности помогает ему в этой неравной схватке...

В глухой Сибири, в центре жестокой эпохи, именно любовь возрождает главное: надежду.

Третья книга исторического цикла «Сухой овраг».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Клима А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210944-7

Глава 1

К обеду того дня, когда Ларионов, никого не уведомив, скоропостижно уехал в Москву по вопросу внезапного перевода, Вера забеспокоилась: Ларионова нигде не было видно. Решила не дожидаться, как в прошлый раз, когда он ушел на неделю в запой, и направилась в дом. Там она с удивлением встретила не только Федосью и Вальку, но и Паздеева.

— Денис... — Веру охватил внезапный страх.

Паздеев поднялся из-за стола и учтиво пригласил ее присоединиться.

— Поешь супчику, — весело лопотала Федосья, и Вера тут же подуспокоилась, потому как знала, что Федосья была барометром обстановки в лагпункте и доме.

— Где Ларионов?

Паздеев подвинул стул, и Вера присела рядом, не обращая внимания на плошку горячего супа.

— Григория Александровича вызвали в Новосибирск на профориентацию, — сказал Паздеев. — Приказ пришел утром. Я сопровождал его до города.

Вера с подозрением смотрела на Паздеева, но тот не багровел, как лакмус, и, стало быть, не лгал. Она успокоилась прочнее.

— И надолго?

Федосья покачала головой, не в силах понять, как можно было любить мужчину и упорно любви противостоять.

— Если будут плановые учения, то недели на три, а если только общий курс, то на неделю. Обещал быть на связи. Так что дня через три все выясним.

Вера уже почти совсем пришла в себя, но сердце почему-то все равно щемило. Валька таращила глаза то на нее, то на Паздеева, будто тоже чуя неладное.

— Кстати, — Паздеев вдруг полез в карман галифе, — начальник попросил передать записку — не хотел будить. Только прочти без свидетелей и следом сразу ликвидируй, — добавил он все тем же ровным тоном.

Вера, не сказав ни слова, вскочила и бросилась из избы. Федосья издала смешок:

— Ну и гордячка...

Вера знала, что самым укромным местом для чтения был как раз барак — туда обычно днем не совала нос охрана. Она прошла к своей вагонке, трясущимися руками развернула записку и прочла: *«Душенька, я долго думал, говорить ли правду, но месяцы борьбы доказали твои силу и отвагу. И теперь ты будешь терпеливой и благодарной. Меня вызвали в Москву по поводу перевода из лагпункта. Буду честен: не знаю, что меня ждет и как все обернется. Правильнее, чтобы ты подготовилась и пожилась на доверенного человека. Нет смысла говорить, какова теперь моя цель. А ты должна лишь одно — сохранить себя».*

Веру начало бить. Она вскочила и поначалу металась по бараку. Потом вдруг застыла. Перечитала записку. Второй раз смысл слов показался иным. «Нет! Как-нибудь... как-нибудь...» — несло в голове.

Внезапно паника стихла. Душа почему-то успокоилась, хотя слова в письме были куда страшнее лжи Паздеева. Но ложь Паздеева породила тревогу, а правда Ларионова вселяла силы. Вера перечитала записку в последний раз и затем нашла спички и сожгла в печи, предусмотрительно разрушив сгоревшую бумагу в пепел. Внутри

родилось прочное знание: уныние незримым образом навредит Ларионову. Теперь, когда они вновь замерли над бездною, нужно было делать дело. И делать с огнем в груди!

В заботах по лагерю пролетели две недели. Пазде-ев докладывал об отсутствии новостей, что теперь казалось благословением. Администрация во главе с Грязловым, как и в прошлый раз, вела себя в штатном режиме. Вера старалась пресекать мысли о Ларионове, но с каждым днем в душу все смелее вползал холодок. В ней ежеминутно боролись надежда и страх. Каждое брошенное кем-то слово вызывало то обреченность, то веру.

Инесса Павловна молчала, боясь затевать разговор о Ларионове: поняла, что снова происходит что-то решающее. Ей хотелось оказать Вере поддержку, но она ждала развязки и лишь внимательно за той наблюдала, подбадривая на свой лад философскими беседами.

Инесса Павловна видела теперь в Вере нестигаемую решимость. В прошлый отъезд Ларионова Вера в какой-то момент уступила панике и сорвалась. Сейчас же было заметно, как она сгруппировалась и в любой неожиданности была готова к броску.

Наступил сентябрь. К концу третьей недели отсутствия Ларионова Вера в один из дней решила пробиться в конюшню. Утром она получила наряд в пищеблоке, но в обед направилась туда, ничего не сказав ни душе — даже Клавке.

Ворота, как водится, не были заперты. Она осторожно вошла и огляделась. Шельмы в деннике не было. «Кузьмич куда-то поехал», — отметила Вера. Лошади фыркали. Тихо заблеяла коза Зинка, почуяв человека: она всегда блеяла в ожидании дойки, завидев людей.

Что и как тут было обследовать? Вера поняла, что совершенно не имела плана! Вокруг все выглядело обыч-

ным. Может, Клавка была права, и ничего в конюшне нет, а все это Вера надумала в отчаянной попытке оправдать Анисью и избавиться от Грязлова.

Вера почувствовала себя глупо и беспомощно. В этой странной беспокойной тишине, прерывавшейся только фырчанием лошадей и скрипом Зинки, ее охватило беспредельное одиночество и отчаяние.

Ларионов! Она сжала ватник на груди и часто задышала, борясь со слезами. Надо бежать! И отчего Паздеев все молчит?!

Вера резко вышла из конюшни и, завернув за угол, уперлась в Грязлова. Сердце неудержимо заколотилось, ноги в икрах обмякли.

— Ты что здесь забыла?! — неожиданно яростно гаркнул Грязлов и схватил ее за ватник.

Вера вскрикнула и дернулась, но Грязлов вцепился крепко.

— Да пустите вы! Напугали! Я за молоком ходила...

— И много надоила? — Грязлов ухмыльнулся, сверля ее взглядом.

— Да я в запарке бидон забыла! — продолжала громко парировать Вера, радуясь, что Грязлов не мог услышать стук ее сердца.

— А давай-ка я тебя в ШИЗО на три дня отправлю, — сказал Грязлов, озираясь бегающим взглядом.

— Это за что же? — обиженно заныла Вера, прокручивая в голове вероятность открытия ее лжи.

— За то, что наряд бросила и шляешься там, где не надо!

— Да ладно вам! — не сдавалась Вера, напуская на себя простецкий вид. — Подумаешь, за молоком сбегала.

— Вот и подумаешь в ШИЗО! — отрезал он и потащил ее под руку в сторону плаца.

Пока шли, Вера перебирала варианты, как дать знать своим о беде. Поравнявшись с домом Ларионова, они нат-

кнулись на Польку. Полька растерянно наблюдала за тем, как Грязлов вел Веру.

Увидал их и Паздеев.

— Курочкина, поди сюда! — крикнул Грязлов, и Вера зажмурилась, понимая, что Грязлов сейчас же раскроет, что никакого молока она в конюшне не искала.

Полька, блуждая по лицу Веры глазами, подошла. С ними поравнялся и Паздеев.

— А тебе чего? — недовольно рявкнул Грязлов. — Курочкина, кто отвечает за молоко для сына Ломакиной?

— Я... — В круглых глазах Польки читался наивный страх.

— Это ты попросила Александрову сходить в конюшню?

Вера с мольбой смотрела на Польку, бросила тревожный взгляд на Паздеева. Тот, казалось, был равнодушен.

— В конюшню? — беспомощно пролепетала Полька.

— Все ясно! — бросил Грязлов.

— Ну, я попросил, товарищ лейтенант, — вдруг сказал Паздеев. — А что случилось-то? Коза издохла?

Желваки Грязлова заходили. Вера опустила голову, чтобы скрыть слезы любви к этому юному преданному человеку.

— Значит, тоже в ШИЗО сядешь! — взвизгнул Грязлов. — Ты у меня уже в печенках сидишь, Паздеев! Самовольно снял с Александровой наряд, так и сядешь с ней вместе. Касымов! Александрову и Паздеева на три дня в ШИЗО!

Касымов подбежал, и в лице его промелькнули вопросы. Полька дрожала и была готова заплакать.

— Есть! — Касымов махнул винтовкой в сторону изолятора.

За воротами послышался шум. Дозорный крикнул вахтенному: «Открывай!» Вахтенный бросился отворять. Фараон радостно скулил, потом лаял и махал хвостом. «Кузь-

мич», — пронеслось в голове Веры. Ворота раскрыли объятия, и на зону вкатилась телега, запряженная Шельмой. С телеги спрыгнул Ларионов.

Вера закрыла лицо руками. Из-за наступившей глухоты она не слышала, как радостно рапортовал Паздеев, как что-то мямлил Грязлов, как весело брехал Фараон и как привычно заворчал на него Кузьмич. Она бешено дышала в ладони, не в силах оторвать их от лица. Словно все было кончено; словно туго натянутая пружина превратилась в вату и обмякла в секунду.

— Киря, зайди ко мне. — Вера начала слышать, и это был родной голос. — Что с Александровой?

Грязлов что-то вяло проронил и последовал в дом за начальником.

— Паздеев, почему Курочкина и Александрова не в нарядах? Займись делом, — бросил Ларионов.

— Есть заняться делом! — послышался веселый голос Паздеева.

Вера шла в пищеблок, дрожа от спазмов, и внезапно разрыдалась. Эти рыдания, как симфонический оркестр, включавший десятки инструментов, содержали десятки причин и чувств. Но лейтмотив оставался неизменным. И как все инструменты служили одной цели — донести основную мелодию, так и чувства Веры служили главному среди них — радости победы Ларионова.

Вера весь день ждала, что вот-вот Ларионов за ней пошлет. Но он не звал. Инесса Павловна по-прежнему молчала, но тоже не скрывала своего счастья. Вера отметила, что уже смиренно и естественно ожидала хозяйского запоя, и в ней даже не возникло вопросов, почему он мог запитать. Она знала, что причины были.

Перед самой поверкой в барак ввалилась Федосья и как ни в чем не бывало вдруг позвала Веру к Ларионову. Вера с бесстрастным лицом, словно Ларионов и не уезжал, поднялась и покорно пошла за Федосьей. Инесса Павлов-

на знала, как трепетало сейчас сердце Веры, и восхищалась ее волей.

Вера постучала в дверь кабинета. Послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и Ларионов буквально рванул Веру внутрь, прижав к гимнастерке.

— Дома! Дома! — бормотал он, сдавливая ее. — Не бойся ничего. Я все решил. Все хорошо... Все будет хорошо...

Вера сопела. Они отклонились друг от друга. Ларионов оперся о стол, часто дыша.

— Как вы смогли? — Вопрос прозвучал так странно и глупо. Ведь ей хотелось плакать у него на груди и целовать его руки.

Ларионов налил коньяку себе и Вере, и они выпили в молчании. Он растер лицо и выдохнул, потом прошел к подоконнику и по привычке оперся о него спиной. Вера присела на край дивана.

— Вера... Вера, честное слово, я не знаю. Я когда ехал, знал только одно: что невозможно не добиться возвращения! Пришел напрямик к Берии и сказал, что необходимо отменить приказ, что я прошу его об этом лично...

— Но как?!

— Сказал правду...

— Что?.. — Вера блуждала по его лицу.

— Сказал, что в лагере у меня женщина... заключенная. — Ларионов говорил возбужденно. Горло его пересохло. — Попросил отсрочку хотя бы на несколько месяцев.

Вера хотела что-то спросить, но Ларионов вдруг подсел к ней и взял ее за руку.

— Я должен был как-то выкрутиться, не подставляя тебя, — сказал он. — Я вынужден был назвать кого-то...

Вера бросила на него тревожный взгляд.

— Я назвал имя Клавдии... Вера, они все проверяют! Я пошел на риск. Берия быстро согласился. Я даже не знаю почему. Ждал долгих расспросов, допросов, пыток — всего чего угодно. Но он сказал, что мое назначение было реше-

нием Ежова и что сам он считает его преждевременным. Я думал, с ума сойду от радости!

Представив лицо Клавки, Вера не смогла сдержать улыбку. Ларионову же было не до смеха. Он прижал руки Веры ко лбу, и ей показалось, что он сейчас заплачет.

— Прошу тебя, давай не будем более говорить об этом кошмаре. Теперь надо срочно решать вопрос с переводом людей на общие работы, — сказал он, невольно огладив ее волосы.

— Вы сказали об отсрочке на несколько месяцев, — промолвила Вера.

— Верочка, ты первая узнаешь о моем переводе в другой раз, обещаю. Я уверен, что не ранее весны...

Вера вдруг поднялась.

— Что же будет дальше? — спросила она немного от решенно.

Ларионов тоже поднялся и рассматривал ее лицо.

— Будет как ты пожелаешь, — глухо ответил он.

— Я знаю, что это сейчас звучит глупо, но в день вашего отъезда отменили танцы и репетиции спектакля, — неожиданно сказала Вера, подавляя смущение. — Что будем делать?

— Завтра же проведем ваши танцы. — Ларионов улыбнулся впервые за эти недели. — И обязательно возобновим репетиции и наши занятия по стрельбе...

В день приезда из Москвы Ларионов подписал приказ о постановке в лагпункте пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь». Он знал, как чувствительна Вера к его обещаниям, и поскорее хотел ей сообщить о том, что пьесу ставить они точно будут.

— А этот Шекспир, он что, тоже еврей? — Губина с интересом разглядывала на столе Ларионова книгу.

Ларионов посмотрел на нее с загадочной улыбкой.

— Нет, товарищ Губина, англичанин, — подписывая приказ, ответил он.

— Тоже контра. — Губина вздохнула.

— Не вполне. — Ларионов протянул Губиной подписанный лист. — Ему выпало жить в семнадцатом веке. В противном случае, думаю, он был бы сейчас уже вашим подопечным.

— Так он давно помер! — протянула Губина.

— В традиционном понимании смерти, — ответил Ларионов, не в силах скрыть иронию, но и симпатию к Губиной.

— Это как? — Губина выпучила глаза. — Он был черно-книжник, что ли?

— Ну, в том смысле, что он обладал «черным юмором», да, — засмеялся Ларионов. — Вот послушайте: «Впрочем, жизнь наша порой так похожа на сон, что где в ней вымысел, а где реальность, разобраться не всегда легко»¹.

— Сильно закрутил, — заключила Губина, задумчиво качая головой.

— Я думаю, вы понимаете, что физиологическая смерть большого писателя не означает абсолютного забвения, — ухмыльнулся Ларионов.

— Понимаю, товарищ комиссар, — вымолвила Губина. — Это как смерть Ильича. Вот умер Ильич, а в наших сердцах он живет вечно!

Ларионов вздохнул, вспоминая кунцевское застолье, жуткий зиккурат и шутки Берии.

— Да, что-то вроде того.

Выходя от Ларионова, Губина ощутила страстное желание участвовать в постановке. Она твердо решила поговорить с Верой о возможности если не сыграть роль, то присутствовать на репетициях. Последнее и так вменялось ей в должностных инструкциях начальника третьего отдела «по духовно-просветительской и идеологической работе с контингентом».

---

¹ Шекспир У. «Сон в летнюю ночь».

Было стыдно говорить с Верой о спектакле, но Губину охватило волнение от того, что она услышала от Ларионова. Скрытое стремление к возвышенному не могло найти реализации в скудной, одинокой лагерной жизни, так что слова Шекспира произвели неизгладимое впечатление. Губина с удивлением подумала, как она могла дожить до сорока пяти лет и не прочесть ни одной книги кроме тех, что полагалось читать по велению партии. Приоткрыв завесу в великую литературу, Ларионов выпустил джинна из сосуда: джинном были скрытые мечтания Губиной, а сосудом — ее испуганный, одинокий, убогий, утрамбованный кем-то когда-то разум. Так начался путь товарища Губиной к великой литературе. Именно такая формулировка возникла в ее воображении, когда она вышла из избы Ларионова.

Вера закончила работу раньше, перевыполнив план, потому что находилась в сказочном настроении — в том состоянии, когда хрупкий и слабый человек может достигнуть быстрее и больше любого сильного и крепкого. Эта энергия, словно взорвавшаяся в ней после приезда Ларионова из Москвы и продолжавшая питать себя неизвестно из какого источника, приводила в возбуждение все и всех вокруг.

Вера относилась к типу людей, которые влияют на атмосферу и могут вести за собой других, вовлекая в движение, схожее с движением планет. И чем глубже она втягивалась в отношения с Ларионовым, тем больше в ней пробуждалось энергии, забирающей в свою орбиту людей. Словно огромная планета, силой притяжения вовлекающая в свой круг более мелкие, случайно проплывающие мимо небесные тела.

Вера никогда не чувствовала такого интереса ни к одному мужчине. И она была откровенна с Ларионовым, когда призналась в своей увлеченности его натурой в силу ее размаха, который Вера называла «пространством».

В понятие пространства для Веры входили и масштаб мышления и души человека, и мерность. Некоторые люди казались ей крупными, но плоскими, некоторые имели невеликий размах, но казались многомерными. Ларионов же представлялся масштабным и многомерными. При их первой встрече Вера была поглощена эмоциями, которые не могла осмыслить в силу юности и краткосрочности связи. Теперь же казалось, что именно пространство притягивало ее в этом человеке.

Вера дивилась и богатству палитры собственных к Ларионову чувств. Были мгновения, когда он виделся другом, и она страдала ему, испытывала жалость и желание помочь справиться с болью. В другой момент ей хотелось оболящать, нравиться ему, и его переживания от недостижимости ее как женщины не только не вызывали сострадания и жалости, но, наоборот, порождали азарт. Повергали в истому, которой она прежде не знала и даже не представляла такого блаженства.

За время отсутствия Ларионова в лагунке Вера заметила не только пустоту и страх за его судьбу, но то, что жизнь поблекла и заметно утратила содержательность. Это стало невероятным открытием, необъяснимым еще и потому, что когда Ларионов находился рядом, это не меняло их отношений: они оба держали дистанцию и оба не предполагали иного исхода, кроме расставания. И ничто не указывало на возможность счастья в видимой безвыходности общего положения. И все же Вера ясно поняла, что физическое присутствие Ларионова рядом, пусть без полноценной близости, было для нее предпочтительнее его небытия.

Она не пыталась играть чувствами, как то рисовали многие женщины в лагере, или размахивать перед носом красного комиссара кумачовым плащом. В ее нынешнем поведении не было умысла или расчета. Вера, как и всегда, лишь поддавалась инстинктам. И если в первые ме-